

Наталья Рубинштейн

«Мемориал» в Лондоне

...до основания, а затем...
Из Интернационала

Ира Перченко (Ирина Залмановна) умерла 9 мая 2014 г. А собранная и изданная ею гряда семейного архива («Наша книга о Феликсе») вышла в свет в 2011-м. Все последние годы Ирка шумно на меня сердилась: сперва за ничтожный и с опозданием вклад в это героическое деяние, потом – за то, что не отразила достойно его выход из печати. Я отговаривалась личными обстоятельствами, но, сказать по правде, совершенно не знала, как адекватно описать этот разномастный, разношерстный и разнокалиберный хаос, распирающий глянцевиновую полукартонную обложку. Попросить бы теперь прощения: «Здорово, что ты это сдюжила, что это есть. Все остальное – неважно». А что фактические ошибки – ну, и фиг с ними...

Вот на одиннадцатой странице фотография с подписью:

Лондон. Слева направо: Ф.Ф., Гарик (Габриэль) Суперфин, Сеня (Арсений Рогинский), Никита Охотин, Борис Равдин.

Не станем придирается к прихотливой расстановке скобок, всмотримся в кадр: «Мемориал» в Лондоне! 26 лет тому назад!

Стоит четверка у подножия Нельсоновой колонны, посреди Трафальгарской площади. Феликс Перченко (Ф.Ф.) с неизбежным абалаковским рюкзаком, Гарик, Сеня, Никита, Борис... Только Борис не Равдин – в тот раз его в Лондоне не было, – а Рогинский, семнадцатилетний Боря Рогинский... А где же Николка, Николка Охотин? Они вдвоем с Борей составляли молодежное крыло большой мемориальной делегации, посетившей Лондон в самом конце апреля 1990 г. по приглашению актрисы Ванессы Редгрейв.

Ванесса Редгрейв – едва ли не лучшая актриса в своем поколении. (Сергей Юрский считает, что одна из трех лучших актрис. Артист большой, ему видней.)

И она же – главная троцкистка Великобритании. Ванесса – отпрыск актерской династии, которая не сходит с британской сцены более двух веков. Она, говорит И.П., мой язвительный друг-писатель, такая гениальная лицедейка, что целую жизнь (а ей без году восемьдесят) успешно изображает нормальную, будучи на самом деле совершенно безумной. Крайняя левизна взглядов – как и профессия – застарелая семейная хворь. В 1990 г. обновление жизни в России еще не грозило подвести и обмануть, еще оставляло большие надежды. Ванесса, вслед за чтимым ею знаменитым троцкистским гуру Джерри Хили, которого она сменила на посту руководителя партии, полагала, что восстановление справедливости и исторической правды начнется в России с возвращения в политический пейзаж имени, идей и последователей Троцкого.

В конце 1980-х – начале 1990-х Ванесса Редгрейв несколько раз приезжала в Россию. Ее присутствие отмечено в Хронике Ленинградского (Петербургского) «Мемориала». С ней неоднократно встречался в Москве в конце 80-х Сергей Юрский. Он описал эти встречи в очерке «Опасные связи». Там рассказано, среди прочего, как в 1988–1989 гг. Ванесса задумала провести – и провела – в Лондоне гала-концерт, весь доход от которого предполагала отдать на сооружение памятника жертвам Большого террора в Москве; как она пыталась на свои средства привезти в Лондон большую художественно-общественную делегацию. Как не пускали, не оформляли и, в конце концов, одного только Юрского и пустили. Дорогого стоит рассказ о том, как дюжий советский посольский чин обвел великую троцкистку вокруг пальца и забрал из ее рук весь сбор от благотворительного концерта. Такова была ее политическая искушенность. Вы почитайте журнал «Октябрь», 2000, № 6.

Но что не вышло в 1989 г., удалось годом позже. И Ванесса Редгрейв пригласила в Лондон огромную правозащитно-научно-артистическую делегацию, несколько десятков человек. Им предстояло участвовать в международной троцкистской конференции. В свободном мире тогда в троцкистском интернационале насчитывалось что-то около сорока партий.

Британскую Марксистскую рабочую партию (MWP), малый огрызок некогда многочисленного Четвертого интернационала, возглавил в 1985 г. ветеран рабочего движения Джерри Хили. О нем придется тут сказать несколько слов. Ирландец, родившийся в 1913 г. и скончавшийся в 1989-м (в один день с А.Д. Сахаровым – 14 декабря), он был с юности что называется пламенный революционер, с энергичным жестом и трескучей фразой. Умел зажигать сердца. Жизнь его, сказал бы Пушкин, была затемнена многими облаками. В духе времени он правил своей партией как диктатор, изгоняя из нее любые проблески инакомыслия. Идеологи левого толка в Великобритании и по сей день считают, что его догматическое мировоззрение и вздорный тиранический стиль руководства привели к ослаблению социалистического фланга в Англии. В конце жизни у него не все было гладко с финансовой отчетностью, партийные ряды поредели, он лишился материальной поддержки профсоюзов и не гнушался брать деньги от афро-азиатских диктаторов вроде Каддафи или Саддама Хусейна, даже если при них на столбах вешали коммунистов. Уход его с политической сцены сопровождался большим скандалом, до сути которого нам, чужакам, не добраться. Когда товарищи по оружию хотят сместить старого надоевшего демагога, они готовы дать ход всякому компромату, порой не утруждая себя скрупулезной проверкой. Но и самая последняя версия его биографии в Википедии упоминает о персональном деле и разбирательстве вроде бы из-за требований сексуального обслуживания от юных соратниц по партии, которых он будто бы рассматривал просто как собственный гарем. Партия (Рабочая революционная партия – WRP) в конце концов исключила Хили из своих рядов, и только некоторые самые негибкие и самоотверженные троцкисты и троцкистки верили ему одному, отвергали критику как злобный навет и продолжали поддерживать его до конца жизни, сплотившись вокруг него в крошечную MWP. Ванесса и ее брат Корин, тоже выдающийся артист, были из самых твердокаменных. Четыре последних года вождь просто жил в ее доме. В перестройку она пару раз свозила своего бывшего лидера в Россию, об этом в том же очерке «Опасные связи» («Октябрь». 2000. № 6) рассказал несколько лет назад Сергей Юрский, который все-таки, преодолевая неловкость и стыд, сумел отбиться от безумного партийного поручения: доставить из Англии в Россию, на родину Троцкого, ящик книг – многотомное полное собрание его сочинений в нескольких экземплярах. Юрский так описывает одряхлевшего трибуна: «Джерри Хили сидел посреди комнаты на колченогом стуле и астматически тяжело дышал. Лысый смуглый череп, низко посаженная на плечи голова, внимательный остановившийся взгляд. Он напоминал замершую черепаху, выглядывающую из своего панциря».

Ванесса, переняв в 1989 г. из рук павшего вождя и партию, и знамя, осталась верна поставленной им задаче восстановить в правах Троцкого и его учение в невезучей одной отдельно взятой стране и видела в недавно возникшем просветительском и правозащитном обществе «Мемориал» естественного союзника. И вот она – в надежде славы и добра – пригласила в Англию на свою международную троцкистскую сходку целую группу мемориальцев. Не претендую на полноту, но вот кого помню: Нина Брагинская, Александр Добкин, Елена Жемкова, Лев Лурье, Никита Охотин, Феликс Перченков, Лев Пономарев, Давид Раскин, Арсений Рогинский, Алексей Токарев, Яков Этингер. Был и Сергей Юрский, которого Ванесса захотела видеть здесь не по общественно-политической, а по театрально-художественной линии. Актеров вообще из разных стран здесь было немало. «Стояли ясные погоды», сказал бы Давид Самойлов, – самый конец апреля, сирень уже отцветала.

Кстати, мемориальцы привезли с собой живую реликвию – последнего случайно уцелевшего в лагерях и пересылках старичка, который в 1922 г. был среди подписавших Декларацию о создании СССР и Союзный договор. Старика звали Иван Яковлевич Врачев, и было ему на тот момент 92 года. Неплохо! – учитывая обстоятельства места и времени действия. Он был профессиональный революционер, в Гражданскую большой военачальник, о себе говорил и писал «последний

троцкист», хождение по ссылкам – тюрьмам – лагерям началось для него с 1927 г. и продолжалось до 1956-го, с перерывом на службу в действующей армии между 1943 и 1945 гг. (ордена и медали); лишь краткое время после войны он провел на свободе, а по 1949 г. получил опять четвертак – за прошлый троцкизм. В 1963 г., опознав, благодаря статье в «Литературной газете» в писателе Юрии Трифонове сына Валентина Андреевича Трифонова, соратника и сослуживца по Гражданской войне, он вступил в переписку, а затем и в многолетнюю дружбу с писателем, многое рассказал ему об отце, которого хорошо и близко знал в 20-е и 30-е годы. И.Я. Врачев немало пережил своего корреспондента, которого был старше на 27 лет. Уже после троцкистской международной встречи в Великобритании Ванесса и Корин Редгрейвы возили его по миру, говорят, несколько лет. Он умер в 1997 г., только года не дожив до столетия.

Так что старик был крепкий. Но ветхий. В частной беседе держался очень уверенно, но на трибуне разволновался, смешался и спутался. Ему – как юбиляру – преподнесли башенный торт. Он растрогался до слез и полной потери речи.

Сама конференция проходила в загородном поместье, принадлежащем этой троцкистской партии. В Англии, кажется, нет захолустья. Милота и обаяние английской countryside окружали ухоженные домики, в которых разместили делегатов и гостей, и здание побольше, с залом заседаний и просторной столовой. Ист-Гринстед назывался городок в северо-восточном углу графства Сассекс, городок с солидной многовековой историей, в окрестностях которого находилось родовое имение бедняжки Анны Болейн, второй жены Генриха Восьмого, да и семья Уинстона Черчилля обитала тут неподалеку в Чартвиле. В 500-акровом лесу Эшдаун, купленном Александром Аланом Милном в 1925 г., обитали и прогуливались с Кристофером Робинот Вини Пух и все-все-все...

Я приехала туда из Лондона навестить друзей, которых не видела около двадцати лет. Но и микрофоном вооружилась, чтобы записать кое-что из зала и взять небольшие полевые интервью у кого приглянется, – простые были у меня репортерские намерения. Заседание еще не началось. Но в зал меня не пустили. У входа был пост, и два амбала проверяли пропуск. Бибисишного удостоверения – впервые в моей британской жизни – не хватило. Броня секретности и барьер безопасности, казалось, не ослабели в троцкистском стойбище со времен визита Меркадера. (В 1974 г. именно Джерри Хили добился проведения международного расследования обстоятельств убийства Льва Давыдовича Троцкого.) Неохотно вызванная амбалами активистка согласилась передать в зал записку российским друзьям. В перерыве – действуя через переводчика – Сеня Рогинский попытался представить меня главной устроительнице: «Ванесса, вот познакомьтесь. Это наша старинная подруга, она живет в Лондоне, работает на Бибиси, хотела бы сделать отсюда репортаж для радио. Можно ей посидеть в зале?» На лице актрисы разворачивалась битва страдания с отвращением: «О чем вы говорите, Сеня! Би-би-си! Эта фашистская организация!.. И туда затащили даже ваших друзей!.. Вот горе-то! Но если вы просите, извольте – мы разрешим ей присутствовать вечером на банкете, а на заседаниях, конечно, нет!»

Была середина дня. До вечера далеко. Я отправилась гулять по близлежащим холмам и полям с заходом в паб – отнюдь не одна. Мы неплохо провели время с теми, кто уже отвыступал свое утро.

Пока мы там гуляли по рощам и лесам, в зале заседаний, вспоминает Никита Охотин, разворачивалась яркая баталия: *«Кроме мемориальцев и Юрского была в Сассексе большая группа советских историков – из числа тех, кто раньше, не помня себя, писал про крах всяческих антисоветских партий и разгром контрреволюционного подполья, но начинал постепенно перековываться кто в бухаринцев, кто в троцкистов (национал-государственный тренд они усвоили позже). Кто-то из нас – то ли Левка Лурье, то ли АР, влепил нашим коммунякам-историкам ex cathedra, что грядущий XXVIII съезд КПСС будет последним, XXIX пройдет разве что в эмиграции, да и самой КПСС, как и СССР, скорей всего не будет. Ой, сколько было вони... Но таки да, прогноз оказался точным».*

Назавтра, или, может, послезавтра, местом действия конференции стал Лондон, и Ванесса – среди прочего – потащила делегатов на Хайгейтское кладбище, к могиле Джерри Хили. Там они (вся конференция плюс я, сбоку припека) стали кружком вокруг гранитного надгробья, совсем неподалеку от могилы Карла Маркса. И Ванесса предложила почтить память своего учителя жизни Интернационалом. (Кажется, как повествует Юрский, это вообще была ее любимая песня – она и дома немногим гостям, засидевшимся за столом сильно за полночь, предлагала спеть Интернационал). Испытанным жестом, согнув в локте правую руку, она вскинула к виску кулак пальцами наружу – «Рот Фронт, товарищи!» – и запела, а вслед за нею старый партийный гимн подхватили нестройно некоторые другие участники. Про правоверных коммунистических историков Никита Охотин, правда, говорит, со слов очевидцев, что они только рот разевали – не знали текста. Мемориальцы, однако, не пели. И Сергей Юрский тоже не пел. Весной 1990 г. как-то не близки были им эта песня и эти партийные ладушки. Стояли, неловко переминаясь, Лев и Лева, Феликс и Саша, Сеня и Давид. (Никита, кстати, вообще на могилку не поехал, сказавшись больным. И, кажется, вполне продуктивно провел время в баре.) Стояли Лена и Нина – и даже губ не разжимали... *«С пением Интернационала, – вспоминает Никита, – была еще деталь. Н.Б. во время исполнения молчала, стиснув зубы, но пусти ла слезу – от сдерживаемой ли злости или от внутреннего смеха, не знаю. За что была необычайно почтена по возвращении – за подлинные революционные чувства».*

Так что с гимном и присягой у могилы павшего вождя вышел некоторым образом облом.

Но великая актриса знала, как не дать мизансцене провалиться и найти массовке достойное завершение. Когда допели до конца, «до основанья – а затем...», Ванесса подошла к Лене Жемковой и нежно, сильно и дружески обняла ее сзади за плечи: «Я знаю, – сказала она, – вам запрещают это петь!..»